

УДК 81-112.4

Л.А. Захарова

**«СЛОВАРЬ НАРОДНО-РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ Г. ТОМСКА
XVII – НАЧАЛА XVIII В.» КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ
АНТРОПОНИМИИ**

Статья посвящена рассмотрению информативных возможностей «Словаря народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII в.». Словарь включает богатый разножанровый материал сибирского делового письма указанного периода, созданный в Томском, Кетском, Кузнецком и Нарымском острогах (Западная Сибирь): крестьянские, хлебные, соляные и другие книги, челобитные служилых людей, крестьян, ясачных, изветы, сыски, воеводские отписки и др. Рассмотренный материал способствует изучению антропонимии Западной Сибири XVII в. в региональном аспекте.

Ключевые слова: антропонимия, модель именования, полные / неполные формы имен, региональный аспект.

Русская историческая антропонимика до сих пор изучена недостаточно. Не решена главная задача исторической антропонимики – не представлено становление общерусской системы именований [1. С. 3], по-прежнему большое внимание уделяется структурному, этимологическому, ономаσιологическому аспектам исследования, недостаточно четко решен ряд спорных вопросов (о разграничении в истории языка имен и прозвищ, употреблении в структурной формуле именования лица полных и неполных личных форм имен, функционировании двух- или трехчленной модели именования и т.д.). Наконец, до сих пор не составлен единый общерусский словарь антропонимов. Антропонимические исследования последних лет убедительно доказали, что антропонимическая система старорусского периода (включая XVII в.) не была единой, состояла из ряда взаимодействующих систем локального характера, в ней действовали как общерусские процессы и тенденции, так и особенности регионального характера [1. С. 9]. Поэтому изучение региональных ономастических систем определенных периодов и изыскание новых источников их изучения достаточно актуально.

Одним из таких источников является «Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII в.» [2] (в дальнейшем Словарь, СНРРТ), который включает разножанровые материалы делового письма XVII в., созданные в Томском регионе, в Томском, Кетском, Кузнецком, Нарымском острогах: крестьянские, хлебные, соляные, переписные, приходные, дозорные, таможенные и другие книги, а также челобитные служилых, ясачных, пашенных крестьян, изветы, сыски, воеводские отписки и др.

В статье проанализировано свыше 500 словарных статей на буквы А, Б, В, Г, Д.

Наиболее информативным источник оказывается для изучения личных собственных имен. Из 97 одиночных личных собственных имен, встреченных в контекстах Словаря, лишь 14 имен являются древнерусскими нехристиан-

скими: Бажен, Дружина (Дружинка), Завьялка, Любим, Нехорошко, Первушка, Пересвет, Подрез (возможно, прозвище), Семейка, Шестак (Шестачко), Шумилка и др. Остальные личные имена жителей сибирских острогов – христианские: а) полные официальные: Андрей (Ондрей), Василий, Григорий, Елисей, Иван, Мирон, Пётр, Роман, Степан, Тимофей, Фёдор, Юрий, Яков и др.; б) разговорные варианты полных: Василей, Григорей, Гаврило, Самойло и др.; в) неофициальные, или модификаты (неполные, уменьшительно-ласкательные, уничижительные и др.), их особенно много – 49 из 97: Амелка, Бориска, Васька, Гришка, Гаврилко, Демка, Еремка, Ивашка (-о), Кирилка, Куземка, Ларька, Лучка, Максимка, Мишка, Никитка, Оська, Пантюшка, Панфилка, Петрушка, Сава, Самоилко, Сенька, Титко, Тишка, Тренька, Федька, Филька, Юшка и др. Наиболее частотными личными собственными именами в Томском регионе XVII в., по данным СНРПТ, являются имена Иван (Ивашка) – 38, Василий (Васька) – 20 и Фёдор (Федька) – 19.

Так как в основу СНРПТ положены деловые документы сибирских острогов XVII в., достаточно хорошо отражающие живую разговорную речь, то судить об официальной модели системы именования людей этого региона трудно. По нашим наблюдениям, основной моделью именования является двучленная модель, содержащая имя и фамилию (или фамильное прозвание) для многих категорий простых людей: для служилых людей, крестьян, дьяков, подьячих, посадских и др.

В этих моделях личное имя стоит в подавляющем большинстве в неполной, неофициальной форме с уничижительными суффиксами: Максимка Воложенин, Ивашка Евсеев, Федька Засухин, Матюшка Кутьин, Первушка Макаров, Кирюшка Медведчиков, Ивашка Поспелов, Панфилка Федоров, Трофимка Федоров, Куземка Яшков и многие другие. Однако в нескольких статьях находим употребление полных личных имен для воевод: воевода Илья Бунаков, воевода Федор Уваров, Иван Скобельцын, воевода Федор Баскаков, воевода Василий Нелединской и др.; сотников, казачьих голов и атаманов: Иван Белоголов, у Юрья Данилова, Петр Копылов и др.; для дьяков, подьячих, священников: троецкой поп Андрей Данилов, дьяка Василья Шилкина, подьячий Иван Кинозеров, дьяк Федор Панов и др.; приказчиков: приказчик Матвей Кулаковской; сыновей боярских: томский сын боярской Иван Лавров, Семен Лавров, сын боярский Петр Сабанской, детей боярских Юрья Тупальскова и др.; пушкаря и отдельных жильцов: пушкарь Иван Корела, жилец Иван Гордыдов и др.

Трехкомпонентную модель в анализируемых статьях можно встретить очень редко. Так именовали князей, воевод, стольников: князь Осип Иванович Щербатой, князь Никита Иванович Егупов-Черкасской, стольник и воевода Никита Андреевич Вельяминов. Но даже в официальных именовании высокопоставленных лиц личные имена часто употребляются в неофициальной форме: Осип вместо Иосиф, Микита вместо Никита. Трехкомпонентная модель со словом «сын» в анализируемом отрезке отмечена один раз: воевода Данилко Иванов сын Хрушов.

Соотношение полных и неполных форм имени в антропонимической модели именования считается одним из важнейших вопросов антропонимики, так как именно наличие / отсутствие полных форм имени – показатель сло-

жения / несложения официальных форм именованя в том или другом регионе. Соотношение полных и неполных имен и моделей зависит от ряда обстоятельств, в том числе и от территории написания памятника: чем дальше от центра, тем более архаичными были формы именованя. Кроме того, все официальные документы составлялись по единому образцу московских приказов: именоване низших слоев населения последовательно осуществлялось с помощью неполных личных имен (модификатов) [3. С. 181]. Анализируемый нами источник позволяет поставить употребление полных / неполных имен, с одной стороны, в прямую зависимость от социального положения человека, как и на многих других территориях России. С другой стороны, национальный состав Томска и острогов, расположенных вблизи Томска (русские, украинцы, белорусы, поляки и др.), позволяет высказать предположение, что причиной отсутствия в именованях людей отчеств можно считать влияние антропонимической системы так называемой «литвы» [1. С. 18], которой в этих острогах в разные годы XVII в. насчитывалось, по наблюдениям исследователей [4, 5], более 200 человек.

Исследуемый нами источник свидетельствует о том, что многие фамилии жителей сибирских острогов произошли от христианских патронимов с помощью суффиксов -ов (-ев): Васильев, Власов, Данилов, Евсеев, Еремеев, Иванов, Меркульев, Лавров, Семенов, Тимофеев, Федоров и др., реже – с формантами -ой (-ей), -ий, -ский (-ской), -ин (-ын) от нехристианских имен: Зубрицкой, Иван Кобыльской, Иван Козловский, Васька Кондинский (-ой), Матвей Кулаковской, Матвей Ржевской, Старловской, Яков Тухачевский, князь Микита Черкасский; Парфенко Степной, Еремка Толстой, князь Осип Иванович Щербатой (-ый); Дмитриенко Батусин, Василий Былин, Иван Галкин, Гришка Коржавин, Матюшка Кутын, Якушка Осокин, Иван Скобельцын и др. Несколько фамилий найдено оттопонимного / этнонимного образования: Максимко Вологженин, Ондрюшка Вяткин, Василий Вятченин, Иван Корела, Семейка Мезеня, Васька Тюменец и др. По фамилиям такого типа можно судить о местах выхода поселенцев сибирских острогов.

Из СНРРТ можно почерпнуть сведения об именах сибирских аборигенов, которые, без сомнения, окажутся интересными не только для лингвистов-тюркологов, но и для историков, и потомков аборигенных народов Сибири XVII в.: это и Золотой царь Кунганчей (Кунканчей, Кункотчуй, Конкончуй), и князец Обак, чацкой мурза Бахтоул, Кызлан мурза, мурза Манзи, тайша Донжин, Табаган Дурала, остяк Нагыча, купил малово Мурманка, князец Мачик, у колмака Палиця, с ясачного татарина Табытая, Юрухтутка, князец Талай, Елбулдан, Дючина царь, лучший князец Татуш, Шубачин Тархан, Мочин, Чагиркан, остяк Текурма, Юрликай, мунгалец Уран, Исек князь Мелесской, изменники Боскоулко и Иркачко, бухаретин Алмаметка, томской бухаретин Шарып Яриев, приезжий бухаретинишка Кутай-Берды-Мергенко-Озал-Мергенев, мурза Бурлак, князец Намак и многие другие.

Анализируемый источник предоставляет в распоряжение исследователя не только фамилии, но и прозвища: Федька Бурундук, Микита Выходец, Бориска Жила, конный казачий десятничишка Ивашка Коза, Осташка Ляма, Демка Орлик, Тимошка Серебреник, Митька Тихонов Манжа, Васька Тюме-

нец, Ондрюшка Щербак и др., хотя разграничение фамильных прозваний и прозвищ – одна из труднейших проблем в антропонимике.

Имена и фамилии женщин: женка Малашка, с женою ево Парасковою, девка Устишка, ворожея блядка Анна Еремиха, Маринка, остяцка служащая старинная девка... а по-русски ей имя Анютка – мало отражены в анализируемом источнике, так как во главе русской семьи XVII в. стоял мужчина и был юридически ответственным лицом; женщины и дети числились при отцах и мужьях, и потому их имена редко появлялись в документах.

Все рассмотренные выше проблемы, по которым «Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII в.» дает неплохой материал для их изучения в региональном аспекте, относятся к области антропонимики ресурсов, давно и плодотворно разрабатываемой русскими исследователями (В.К. Чичагов, А.М. Селищев, С.И. Зинин, Т.В. Бахвалова, А.Н. Мирославская, Е.Н. Полякова, Ю.И. Чайкина и др.). Но анализируемый источник дает прекрасный материал и для изучения функциональной специфики старорусского именованя лица, в том числе в отдельно взятом регионе, требующей особого рассмотрения [б. С. 7].

Основными функциями имен собственных являются номинативная, идентифицирующая и дифференцирующая функции, дополнительными – социальная, эмоциональная, дейктическая (указательная), адресная, экспрессивная, стилистическая и некоторые другие. Рассмотрение функционирования имен собственных в речи не может ограничиваться одной разновидностью текстов. Большое значение для функциональной антропонимики приобретают комплексы текстов, содержащих именование одних и тех же лиц [б. С. 8], что в большой степени отражается в изучаемом источнике.

Обозначенная проблема требует специального глубокого рассмотрения. Не имея на это возможности, ограничимся пока поверхностными наблюдениями одной-двух функций собственных имен. Изучаемый нами источник в первую очередь предоставляет исследователю материал о том, что все компоненты именованя человека практически нигде в чистом виде не выступают в идентифицирующей функции. Этот удивительный в сравнении с современным русским языком факт объясняется как минимум двумя причинами: во-первых, хотя в СНРРТ и включались выписки из разных жанров письма, но наиболее репрезентативными оказались всевозможного рода челобитные и воеводские отписки. Во-вторых, выбор личных имен вообще и календарных в частности определялся различными внеязыковыми факторами и имел свою специфику, связанную с особым местом христианских имен в русском языке, их особой культурной и социальной значимостью [б. С. 65]. По мнению С.В. Булгакова, система календарных имен воплощала собою идею соборности: «Имена святых возлагаются на нас в знамение союза членов Церкви земной с членами Церкви, торжествующей на небесах. Те и другие составляют одно тело под единою главою Христом и находятся в живом общении между собою» (цит. по: [б. С. 65–66]). Именоване календарным именем было связано с задачей сотворения духовной сущности в человеке и включалось в обряд крещения. Целью именованя было не отразить свойства, присущие человеку, его характеристику, как это было у мирских, языческих имен, имя вводило человека в круг христиан, указывало на их общность. При этом имя

не столько выделяло человека среди других христиан, сколько, наоборот, уподобляло христиан друг другу, объединяло их в одно целое. Особую роль в этом играла повторяемость одних и тех же имен (излагается по: [6. С. 65–75]). Таким образом, получается, что антропонимы, имеющие в качестве основных функций номинативную и идентифицирующую, по своим изначальным языковым возможностям были не приспособлены для выполнения идентифицирующей функции.

В томском деловом письме, отраженном в анализируемом «Словаре...», как и в других деловых памятниках России этого периода, личные имена в языке выражали самые общие значения: «человек», «мужчина / женщина», «русский / нерусский», иногда социальный статус человека «знатный человек / незнатный». В речи же календарные имена требовали использования многочисленных сопутствующих средств создания идентификации человека. Уподобление православных людей друг другу при помощи календарных имен было значимо лишь в момент имянаречения, но при именовании лица в документе выступало причиной, лишавшей календарное имя идентифицирующей способности и требовало его употребления в составе более сложной по структуре номинативной единицы [6. С. 67]. В анализируемом «Словаре...» этот момент отражен очень хорошо. Сложная номинативная единица может указывать не только на имя, но и на социальный статус именуемого, например: Рад де я такому Белому государю црю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси самодержцу... служить и прямить (Томск, XVIII в.); на профессию, род занятий: А твой государев воевода Илья Бунаков ему, Василью, твое гдрво денежное, и хлебное, и соляное жалованье... давал для своей бездельной корысти (Томск, 1650); ...подьячий Захарко Давыдов да Кирюшка Якимов в съезжей избе... меня... лаяли и безчестили многожда всякими позорными безчестными словами и матерны (Томск, 1650). Ходили они по следу искать гибельного живота, и в тот день пеший казак Гришка Щербаков съехал его, Куземку на лесу (Томск, 1673); И июля в 7 день... приехал из киргиской землицы толмач Афонька Кожевников и в Томском в приказанной избе подал доезд (Томск, 1700); Пришли из Ачинского острогу служилые люди Давыдко Девкин с товарищи пять человек, которые годовали в остроге (Томск, 1674); А у суднаго дела толмачил городовой татарский толмач Иван Савинов (Томск. 1673); Да августа в 27 день куплено гостина двора у дворника у Левки Еремеева 20 пуд соли (Томск, 1633) и многие другие; на место жительства или службы именуемого в сочетании с его родом занятий или социальным статусом, например: По обыскам и по доезду томсково сына боярскова Осипа Протопопова с товарищи, у подьячева у Ивана Кинозерова велели ис хлебново ево окладу убавить (Томск, 1670); бьют челом холопи твои служилые люди из Сибири Томскова городу десятичишко Завьялко Иванов (Томск, 1632); купил тобольской годовальщик Ивашко Резицкой лошадь мухорту (Томск, 1624); Бьет челом холоп твой... Томсково города головишко татарское Осипко Кокорев (Томск, 1617) и др.

Исследователь антропонимии в деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв. С.Н. Смольников вслед за В.К. Чичаговым отмечает, что структура сложного именованя лица в памятниках деловой письменности XVI–XVII вв. могла зависеть от того, в первый раз употреблено то или иное имя в

документе или нет. И поэтому целесообразно выделять две ситуации использования антропонимов в речи: ситуация введения именованного в речь и ситуация его повторного употребления [6. С. 95].

При повторном употреблении антропонима в речи важную роль играли указательные и личные местоимения 1-го и 2-го лица, замечает С.Н. Смольников. Анализируемый нами источник дает несколько примеров употребления антропонимов с указательным местоимением ТОТ, например: А тот же Иван Скобельцын всех казачьих купленных людей научал на казаков доводить в делавую пору (Нарым, 1643); с личными местоимениями 1-го и 2-го лица, например: А служил, государь я, Офонько, тебе, государю, на Лене три годы без твоего государева жалованья, голод и нужу многию терпел и душу свою грешную сквернил: сосну дерева и всякую поганую гадину ел (Томск, 1645); Князец... Бехтен в ответе своем мне, Петру, говорил (Томск, 1646); Во дворе у меня, князь Григорья, остяцка служащая старинная девка... а по-русски ей имя Анютка (Нарым, 1650); И князь Никита почал ему говорить, для чево ты, Дружина, пришел не в цветном платье (Томск, 1636); И велел де нам, Ваське и Ивашку, корм и питье давать довольно и нас де, Ваську и Ивашку, отпустил с великою честью, не задержав (Томск, 1616) и др. Но особенно много примеров анализируемый нами источник дает на употребление антропонимов при лично-указательном местоимении ОН, что совершенно не отмечено С.Н. Смольниковым в северных деловых памятниках, например: И он, Иван, за ним, Назаром, с людьми своими и с племянником гонял с ослопьем за острог (Нарым, 1643); Он же купил, Максимка, теленочка годовово, взял с него алтын (Томск, 1627); И ему де, Дружине, смертным убийством не граживали (Томск, 1635); А к нему, к Ондрею, ежегод запасы приходят и советные грамотки от ево родимцов (Томск, 1647); Пришел он, Степан, ко мне, сироте к твоему, под окошко к моему дворенку, и учал он, Степан, женишку мою бранить и безчестить неподобною бранью (Томск, 1681); И они де, Шестачко Яковлев с товарищи, в те захребетные волости посылали двою, трою козляшских же ясашных людей (Кузнецк, 1643); А взял де он, Пантюшка, у него, Василья, девка иноземской остяцкие породы, некрещена, лет семь, а купил де он, Василий, ту девку в нынешнем во 195-м году у кецкого служилого человека у Ивашка Колпашникова (Томск, 1687); И он, Иван, не велел нас в деловую пору из острогу на всякое дело выпускать (Нарым, 1643); И он де, князь Микита, приговорил... взять за протравной хлеб в гсдрву казну з большие коровы по полтине, а за подтелки по полуполтине, для того что гсдрва хлеба потравлено много (Томск, 1627) и др.

Для того чтобы ответить на вопрос, какую функцию выполняет эта сложная номинативная единица «лично-указательное местоимение ОН + антропоним» (а это может быть как дифференцирующая либо указательная функция, так и выделение двух ситуаций использования антропонимов в речи: ситуация введения именованного в речь или ситуация его повторного употребления, указание на определенность / неопределенность, какие-то региональные особенности, использование в прямой или косвенной речи, в зависимости от жанровой отнесенности и т.д.), необходимо более тщательное и глубокое исследование приведенного материала в указанных аспектах.

И наконец, в XVII в. не было кодифицированной нормы в антропонимии, поэтому в речи могли употребляться разные варианты личных имен, патронимов, фамилий и т.д., например: Данилка Хрушов и Данилко Иванов сын Хрушов; князь Никита Иванович, князь Никита Егупов Черкасский и князь Микита; толмач Дружина Ермолин и Дружинка Ермолин, князь Осип Иванович Щербатый и князь Осип.

Таким образом, проанализированный антропонимический материал позволяет сделать однозначный вывод: «Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII в.» свидетельствует о его хороших информативных возможностях для изучения разных видов антропонимов, для решения ряда дискуссионных проблем антропонимики на региональном материале. Так, наиболее распространенная модель именования в Томском регионе – двухкомпонентная, и употребление в ней по большей части неполных неофициальных имен свидетельствует о своеобразной, отличительной от других регионов системе именования человека. Такая двухкомпонентная система именования поддерживалась в некоторых районах (например, в Кетском округе) изучаемого региона до начала XIX в.

Литература

1. *Королева И.А.* Становление русской антропонимической системы: автореф. дис. д-ра филол. наук. М., 2000. 36 с.
2. *Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII в.* / под ред. В.В. Палагиной, Л.А. Захаровой; авт.-сост.: В.В. Палагина, Л.А. Захарова и Г.Н. Старикова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 336 с.
3. *Чайкина Ю.И.* Антропонимы в местных документах XVI–XVII вв. (на материале купчих Двинского уезда) // Проблемы русистики: Материалы Всерос. науч. конф. «Актуальные проблемы русистики», посвящ. 70-летию проф. каф. рус. языка Том. гос. ун-та О.И. Блиновой. Томск, 2001. С. 178–182.
4. *Люцидарская А.А.* Старожилы в Сибири: Историко-этнографические очерки XVII – начала XVIII в. Новосибирск, 1992. 195 с.
5. *Захарова Л.А.* Польский след в сибирской антропонимии // Методика преподавания славянских языков как иностранных с применением диалога культур: материалы конф. Томск, 2004. С. 128–134.
6. *Смольников С.Н.* Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв.: Функциональные категории и модальные отношения. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 254 с.